

Книги Романа Злотникова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**СОБОР
РУССКИЕ СКАЗКИ
ЭЛИТА ЭЛИТ**

Цикл
«БЕРСЕРКЕР»

**МЯТЕЖ НА ОКРАИНЕ ГАЛАКТИКИ
БОЙЦЫ С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ
ПРИНЦЕССА С ОКРАИНЫ ГАЛАКТИКИ**

Цикл
«ГРОН»

**ОБРЕЧЕННЫЙ НА БОЙ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
ПРЕКРАСНЫЙ НОВЫЙ МИР
ПОЩАДЫ НЕ БУДЕТ**

Цикл
«ВЕЧНЫЙ»

**ШПАГИ НАД ЗВЕЗДАМИ
ВОСТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА
И ПРИШЕЛ МНОГОЛИКИЙ...
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД**

Цикл
«ИМПЕРИЯ»

**ВИВАТ ИМПЕРАТОР!
АРМАГЕДДОН**

Цикл
«АРВЕНДЕЙЛ»

**АРВЕНДЕЙЛ
ГЕРЦОГ АРВЕНДЕЙЛ
АРВЕНДЕЙЛ. ИМПЕРАТОР ЛЮДЕЙ**

В соавторстве с Александром Воробьевым

РОНИН

В соавторстве с Антоном Красновым

**ЛЕННАР. СКВОЗЬ ТЬМУ И... ТЬМУ
ЛЕННАР. КНИГА БЕЗДН
ЛЕННАР. ПСЕВДОНИМ БОГА
ЛЕННАР. ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ**

В соавторстве с Олегом Маркеловым

КРЫЛО АНГЕЛА

В соавторстве с Сергеем Мусанифом

**ВСЕЛЕННАЯ НЕУДАЧНИКОВ
МАНЕВРЫ НЕУДАЧНИКОВ
ШАНС ДЛЯ НЕУДАЧНИКОВ**

(в двух томах)

В соавторстве с Антоном Корниловым

Цикл
«РЫЦАРИ ПОРОГА»

**ПУТЬ К ПОРОГУ
БРАТСТВО ПОРОГА**

ВРЕМЯ ТВАРИ

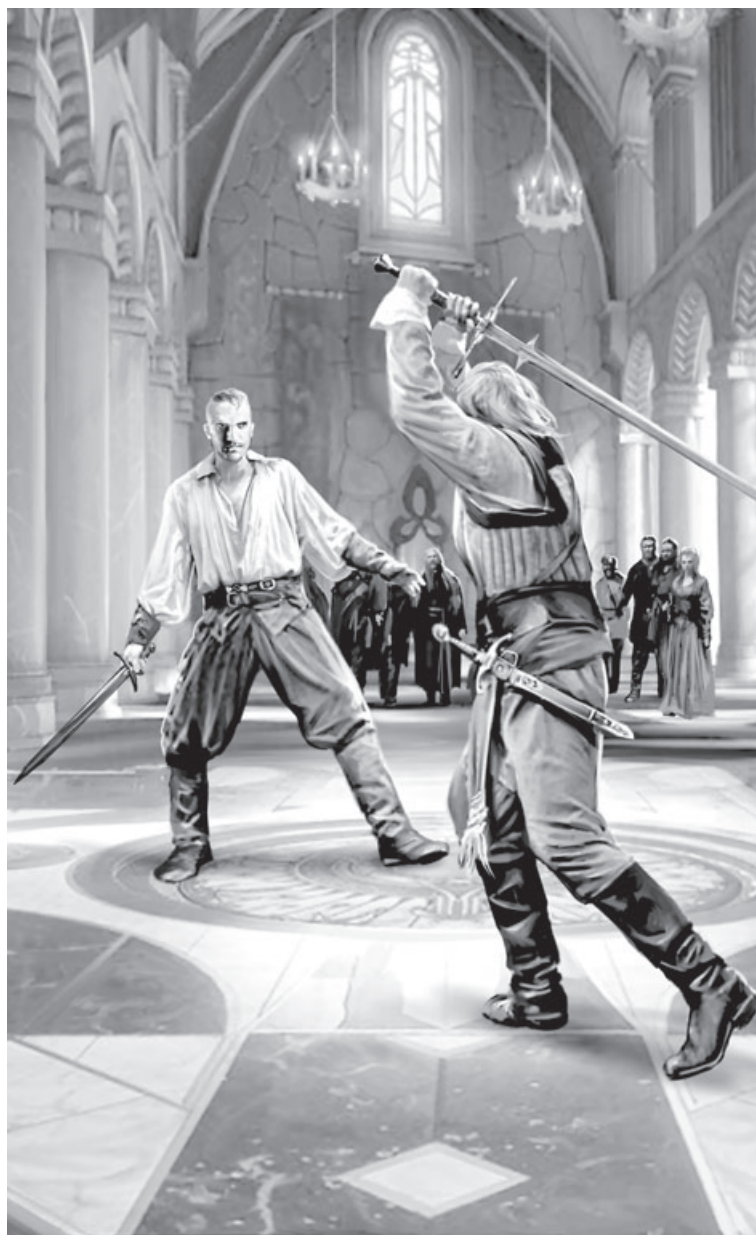
(в двух томах)

ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ

(в двух томах)

В соавторстве с Даниилом Калининим

РОГОРА. ДОРОГОЙ ВОСТАНИЯ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
ДАНИИЛ КАЛИНИН

РОГОРА. ДОРОГОЙ ВОССТАНИЯ

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
3-68

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1167

Художник
И. Воронин

Злотников Р. В., Калинин Д. С.

3-68   Рогора. Дорогой восстания: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2905-9

Аджей Руга, дворянин из славного, но небогатого рода, прибывает в Рогору — захолустную провинцию на юге Республики. Ему предстоит постылое служение «советником» в крохотном баронстве Корг — и в метрополии он принял волю короля как ссылку без прилагательного «почетная»...

Аджей еще не знает, что в Рогоре он встретит свою любовь. И даже в кошмарном сне он не может себе представить, что отец возлюбленной до мельчайших подробностей спланировал самое опасное в истории Республики восстание, начав претворять его в жизнь...

Что выберет молодой дворянин? Долг служения или любовь? И как на этот выбор повлияет тайна его рождения?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Злотников Р. В., Калинин Д. С., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2905-9

ПРОЛОГ

*Весна 758 г. от основания Белой Кии — древней столицы
Великого княжества Рогоры
Лецек, стольный град баронства Корг*

Барон Когорд

— Господин советник^{1*}, к чему ваше столь ярое желание встретиться со мной именно сегодня? И в столь позднее время, какое уместнее провести в компании супруги?

— Барон, ну что вы! Я прекрасно знаю ваши привычки и также знаю, что вопросы вашего лена для вас гораздо важнее общения с любимой женой. А причина моего столь позднего визита куда как безотлагательна и требует немедленного обсуждения.

Напыщенный седой индюк! Как же я ненавижу его и все, что он сейчас олицетворяет и к чему обязывает! Все эти политесы, все эти экивоки, недосказанности! Как ненавижу уродский столичный стиль, что принуждает мужика натягивать на себя бабские панталоны и чулки, камзолы и жабо, впивающиеся в горло! Да я уже взопрел в них!

Мой собеседник, однако, словно и не чувствует неудобств непривычной для нормального мужика одежды. На нем все это сидит... да, пожалуй что и уместно. Впрочем, кто его назовет нормальным? Или кто из рогорских² женщин по доброй воле хотя бы взглянет на этого старого хлыща? Не спорю, что-то аристократичное в его внешности есть (высокий лоб, аккуратная седая борода, окаймляю-

---

* См. Примечания в конце книги.

щая подбородок, узкий нос с благородной горбинкой), но ранняя залысина и противная лисья усмешка вкупе с ледяными глазами — все это оттолкнет если не любую, то большинство наших женщин, предпочитающих в мужчинах силу и мужество.

Ответив собеседнику скупой усмешкой — ну я же должен был попробовать! — с этакой ленцой потянул молодое вино, разлитое еще в старых, дедовских рогах. Есть в них что-то первобытное, что роднит мужчину с его естеством.

— Вы правы, если речь действительно идет о важных, целесообразных делах, но...

— Но о чем таком важном с вами может заговорить советник, да еще и года не проживший на земле Рогоры? Действительно... разве что о невозможности брака вашей дочери и графа Лагран³. Ведь вы завтра хотели послать гонца с заключительными условиями союза, разве не так?

Только чудом не поперхнувшись вином, медленно опускаю свой рог в подставку. Сильное заявление, что должно было застать меня врасплох. И кстати, застало, вот только виду сейчас подавать никак нельзя.

— Господин советник, а позвольте мне узнать, когда ваша воля стала определяющей в вопросах бракосочетания рогорских дворян?

Гаденько изогнув уголки губ, мой собеседник с видимым неудовольствием потянул вино (напиток явно не для знати из метрополии) и лишь после ответил, веско бросая каждое слово:

— С тех самых пор, как король запретил заключать брачные союзы между самыми сильными семьями рогорских дворян. Если вы забыли родную историю, напомню: этот указ был издан сразу после подавления восстания Эрика Мясника.

Эрик Мясник... В Рогоре нет человека, не слышавшего об Эрике из рода Лагран. По достижении мужской зрелости могучий и буйный муж взял в жены (вот насмешка судьбы) Эрику из семьи Скард, объединив таким образом мощь самых непокорных дворян по эту сторону гор. Заси-

лье лехов из метрополии обернулось для них страшной бедой: подняв восстание против беззакония пришлых властителей, Эрик не знал пощады.

В итоге же после предательства дрогнувших союзников и удара кочевников в спину кучка повстанцев была заперта коронными войсками в родовом замке Лагран; доблестной и продолжительной обороной Эрик выбил у короля помилование для последних своих воинов. Мясника обманули, перебив всех сдавшихся, а самого Лаграна торжественно казнили в столице при огромном скопище зевак. Тем не менее лехи более не стремятся селиться в Рогоре, а их присутствие ограничивается лишь контролем со стороны советников.

Моя обезоруживающая улыбка и оскорбленная невинность в глазах скрывают напряженную работу ума. И внутреннее колебание перед сложным и опасным выбором...

— Но разве скромный барон претендует на звание главы сильного рода? Насколько я помню, сегодня запрет касается лишь четырех дворянских семей: Лаграна, Корхорда, Регвара, Скарда. Владельцы графских ленов, чьи земли и достаток как минимум вдвое превосходят мой лен.

Возвращая улыбку, советник сладко так потянулся, словно кот перед полной миской сметаны:

— Это только пока... Мои предшественники, бедные вояки или неугодные, отстраненные от двора вельможи, были преступно слепы. Одних вы увлекли идеей борьбы со степью, другим вы до того преданно заглядывали в раскрытые рты, что заставили их почувствовать себя такими князьками. О, люди любят ощущение власти и собственной значимости! Или хотя бы ее видимость... Вот только я был сюда направлен по личному поручению графа Бергарского.

— И надо понимать...

— И надо понимать, что у графа великолепное чутье и достойные помощники. Он именно что почувствовал неладное на юге, и его влияния при дворе было достаточно, чтобы я в считанные недели оказался здесь с заранее оговоренными задачами. Граф был, как всегда, прав, и, если гра-

можно преподнести информацию, добытую мною за последний год, он вполне сможет стать герцогом! Не забудут и про вашего покорного слугу.

Да, видимо, Ларг не ошибся в отношении советника. А значит, никакого выбора у меня нет, только необходимые действия. Впрочем, все же стоит довести спектакль до конца.

— А позвольте полюбопытствовать, господин баронет⁴, что же вы такого узнали в бедном заштатном баронстве заштатной земли? И что способно вас так возвеличить?

Выделенный интонацией намек на неблагородное происхождение все-таки заставил бастарда неприязненно поморщиться. Поэтому начал он грубо и резко, без присущей ему неторопливости и вальяжности:

— Во-первых, я успел узнать, что не меньше третьей части огнестрелов, состоящих на вооружении степной стражи, попали в баронство контрабандой, причем через горы. Не знаю, как вы договорились с дикими кланами и республиканскими ворами, но это состоявшийся факт. А чтобы не попасть под ограничения по закупке оружия, часть стволов признается временно негодными — вышедшими из строя в связи с трещинами в стволах, некачественной выплавкой и так далее. Но на самом деле ваши отряды оснащены огнестрельным оружием в большей степени, чем некоторые коронные части⁵. Да-да, оружейные мастера в крепостях пограничной стражи, куда так редко заезжали мои предшественники, наловчились неплохо исправлять тот брак, которым вы столь успешно прикрываетесь.

Бросив собеседнику презрительную улыбку, максимально расслабленно откидываюсь на спинку стула.

— Чепуха! Огнестрелы необходимы нам для выживания, не более. Факт контрабанды мне неизвестен, но если и так, если какие-то республиканские молодчики сумели договориться с горцами, что само по себе невероятно, и торгуют с моими людьми, я не вижу повода наказывать командиров степной стражи. Наша малочисленность компенсируется лишь огнестрелами, которых нет у степняков, это

оружие не производится нигде в Рогоре согласно вашему же эдикту, а потому мы вынуждены закупать его везде где только можно. Но я верен всем республиканским договорам и еще раз говорю: я контрабандой не занимался. Если же это сделал кто-то из командиров... А почему бы нам с вами не съездить в крепости? Сами посмотрите, сколько исправных стволов находится на вооружении; уверен, что их число, даже вместе с вышедшими из строя, не будет превышать установленные нормы.

Что касается оружейников, правящих оружие, — как я уже сказал, это вопрос выживания лена. Если вы не забыли, ствол любого огнестрела имеет свойство изнашиваться в бою. Править их совершенно естественно. Так что если вы хотите сделать карьеру на показательной порке, то вам скорее стоит найти тех самых виртуозов, что сумели пройти через Каменный предел!

— Что же, пусть так. Вы построили четыре крепости, создав степную стражу на границе баронства и кочевий торхов⁶. Еще две вы строите на границе с соседними ленами — для прикрытия от кочевников со стороны уже их земель. Ваша дружина вместе со степной стражей превосходит силы любого владельца и где-то раза в полтора превышает максимальную численность графских отрядов, установленную королевским эдиктом. Но вы вновь сделаете искренне недоуменное лицо и напомните, что степная стража не относится к вашей дружине и что ваши воины служат в страже лишь десятниками и сотниками. Все остальные бойцы — это мирные пахари, на три года уходящие в крепость для защиты родных. Прекрасно придумано.

Под прикрытием крепостей, разъездов, летучих отрядов конницы вы обезопасили своих подданных от набегов, торхи забыли уже путь в ваш лен, даже наоборот: последнюю крепость — Барс, верно? — вы возвели уже на их земле. Но в степной зоне урожай особенно хороши, а жизнь в Корге стала столь безопасна, что в ваши земли случилось великое переселение кметов⁷ из соседних ленов. Они возделывают плодородную землю, а потому довольно богаты и даже ве-

дуг собственную торговлю, не попадающую под королевский налог... Что ж, если вы не забыли, могущество лена измеряется не только землями или силой дружины, но и числом его подданных. У вас их больше, чем даже у Лаграна.

— И это ваш единственный аргумент в пользу запрета на брак моей дочери и молодого графа? Возможно, вы правы насчет численности моих кметов. Увы, я не проводил переписи населения, а потому не могу сейчас утверждать точно, правы или не правы.

Но если вы не забыли, Республика⁸ также не проводила переписи. Так проведите или поручите это дело мне, мы справимся собственными силами. Однако свадьба уже назначена и состоится всего лишь через два месяца; вы правы, гонец отправится в Лагран уже сегодня утром. К сожалению, за столь короткое время, боюсь, я не успею справиться со столь важной задачей, как перепись. Вряд ли и республиканские мерщики поспеют.

Странно, я громлю один его аргумент за другим, а он словно лишь наслаждается моей речью, будто бывалый игрок следит за удачливым новичком, оставив напоследок лучшие козыри...

— Знаете, барон, говорите вы очень убедительно. Но все же вам придется расторгнуть брачные обязательства Энтары Корг и Грега Лаграна.

— Вы не привели ни одного достойного аргумента.

Змеиная улыбка моего собеседника стала особенно хищной, а ледяные глаза наполнились мрачной усмешкой.

— Потому что вы отдадите свою дочь за меня. А в качестве приданого половину тех звонких золотых монет, что добыли на торговле зерном. Нет, конечно, сами вы не торгуете! Торгуют кметы. Смешно, правда? При переселении вы освобождаете каждого из них от любых налогов на десять лет, сделав исключение лишь для торговли. В Республике кметы не торгуют, слишком бедны; нет и налога. Вы ловкач, дорогой барон.

— Как вы смеете...

— Я не закончил. Вы переплавите всю выкованную в оружейных степной стражи броню, что готовили для создания латной конницы. Вы передадите Республике того мастера, что научился лить пушки и что трудится в Барсе. Вы выдадите нам всех контрабандистов и выдворите переселенцев в те лены, откуда они к вам переселились. Я уже подготовил специальный указ о запрете переселения кметов, а вы, мой дорогой барон, создали прецедент для его ввода. Благодарю. Думаю, нового ограничивающего указа для Рогоры, повешенных контрабандистов и литейщика-самоучки будет достаточно, чтобы наделать в столице шума.

Граф Бергарский станет герцогом, я, возможно, графом. Может, нет, но я вновь окажусь при дворе и буду всенепременно пользоваться расположением новоиспеченного герцога. Ваша дочь будет блистать в столице — денег из вашего приданого будет достаточно для достойного ее красоты поместья и тех дорогих безделушек, что так любят женщины. О, она будет счастлива, поверьте! Женщины очень любят жить в роскоши, и ради такой жизни они забывают все пристрастия прошлого. Даже такая дикая амазонка, как ваша дочь, забудет прежние вольности, окунувшись в жизнь столичного бомонда. Она будет блистать! А я сделаю ее жизнь столь роскошной, что Энтара в конце концов искренне меня полюбит.

Как видите, всем хорошо, все в выигрыше. Даже вы. Точнее, особенно вы. Ведь готовящееся восстание в итоге обернулось бы для Рогоры морем крови. Да, скорее всего, вы смогли бы объединить вокруг себя другие графства и их дружины. Допускаю, что с некоторым числом латной кавалерии, с большим количеством огнестрелов и даже пушками вы смогли бы одержать несколько побед местного значения.

Но если вы не забыли, все это уже было в истории Рогоры. Потеряв пару отрядов, Республика двинет сюда коронное войско, что неминуемо раздавит повстанцев. Тем более что ваши временные союзники — а согласитесь, что они

именно временные, — предадут вас, как только станет ясно, что победы вам не одержать. С тыла же ударят кочевники... Ах да, вы ведь тайно отправили к ним сына. Рассчитываете на мир или, может, на военный союз? Полноте. Торхи предадут вас и ударят в спину, как только почувствуют запах большой битвы и большой крови. Вам не выиграть! Так не лучше ли сразу отказаться от заранее провального мероприятия?

«Козыри в рукаве есть не только у тебя, баронетик, — подумал я. — Проклятье, Энтара меня спасла! Если бы не красота дочери, этот хитрый и оборотистый лис уже сидел бы в столице, а в Рогору вошла панцирная конница дворянского ополчения...»

— Да, советник, вы меня удивили... Что же, аргументация у вас сильная. Давайте компромисс: вы не вводите закон о запрете переселения, а предложите, к примеру, обложить кметов еще одним, коронным налогом на торговлю и ремесла в Рогоре. И собирать их будут республиканские данщики. Думаю, сей закон будет принят гораздо быстрее и с большим воодушевлением, чем ограничения на переселение, верно? Контрабандистов я вам сдаю, про мастера-литейщика объявляю во всеуслышание и прошу вас ходатайствовать перед королем о том, чтобы он остался в Барсе. Пушки нам нужны против кочевников, давайте же мы оставим их у стражи, ограничив число и отливая лишь небольшие крепостные орудия? В случае успеха моя личная благодарность вам будет оценена в десятую часть моей казны — это не считая половины приданого. К слову, доспехи я не стану плавить, а передам королю как дар — лишь бы оставил мне литейщика.

Ах, и самое главное. Если вы соглашаетесь, мы прямо сейчас совершим свадебный обряд. И уже сегодня ночью вы сможете узаконить ваш брак. Ну что, на такие условия вы согласны?

Глаза старого лиса наконец-то перестали быть ледяными. О нет, теперь в них расплескалось темное, животное пламя похоти...

Тварь! Ты думаешь, я отдам тебе свою дочь, старому во-
ночному козлу?!

— Вы умеете убеждать, барон. Думаю, наш с вами союз
будет выгоден обеим сторонам. Вы действительно готовы
поженить меня с вашей дочерью прямо сейчас? О, женщи-
ны любят пышные свадьбы! Я закачу ей такую церемонию в
столице, что не устраивали иные герцоги! Но церемония
церемонией, а сам свадебный обряд можно будет просто
повторить... Я согласен.

— Великолепно! Стража!

Мигом приоткрылась дверь, и показалась голова дру-
жинника.

— Пошлите за моей женой и дочерью, приведите их
сюда как можно быстрее! — Повернувшись к старому лису,
остановил его вопросом взмахом руки: — В Рогоре право со-
вершить брачную церемонию имеет владетель лена. Я сам
сочетаю ваш брак, по нашим, а значит, и республиканским
законам он будет считаться действительным.

Баронет расплылся в слащавой, похотливой усмешке.

Рано радуешься, тварь!

— Позвольте, я предложу вам другой напиток, более
приличествующий моменту?

С этими словами подхожу к камину, над которым в по-
золоченном сосуде хранится редкий, заоблачно дорогой
напиток — горская медовуха с вытяжкой из львиного древа.
Учитывая замкнутость и кровожадность горцев, практиче-
ски всякое отсутствие легальной торговли с ними, этот на-
питок, изготавливаемый лишь для вождей горных кланов,
крайне редко встречается что в Республике, что в Рогоре.
Он обладает целым рядом целебных свойств, никак не от-
ражается в похмелье, но главное — всего один бокал напитка,
и даже у древнего старца проснутся такие мужские
силы, что он целую ночь сможет любить самую несдержан-
ную, горячую молодку. Самое то, чтобы произвести впе-
чатление на неопытную девушку.

— Горская медовуха? — В голосе баронета проскальзы-
вает тщательно скрываемая надежда.

— Все-то вы знаете... Вот что, после этой ночи этот сосуд — из чистого золота, между прочим! — я передам вам. И обязуюсь и впредь передавать вам сей напиток всякий раз, как он окажется в моем распоряжении. Раз уж моя дочь выйдет замуж не за молодого красавца — уж извините меня за прямоту, — любите ее, как ни один молодец не сможет любить. Вы были правы насчет роскошной жизни, но помимо жажды красоты любая жена жаждет любви мужа, во всех смыслах. С этим, — я щелкнул пальцем по запечатанному кувшину искусной работы, — она никогда даже не задумается о другом мужчине, кроме вас... А вот и бокалы. Обратите внимание, баронет, — горный хрусталь!

Прозрачные как слеза бокалы, купленные за баснословную цену в столице, я использую всякий раз при сложных переговорах, когда просто необходимо произвести впечатление на собеседника. Вот и на этот раз не подвели...

Напиток, разливаемый в фужеры из хрустала, наполняет комнату ароматом горных трав и цветов, пропитывая пьяным дурманом воздух.

— Ну, за молодую семью!

— Благодарю вас, барон!

Лис жадно осушает свой бокал, кадык его при этом мелко дергается. Что же, напиток действительно очень вкусен и стоит своих денег — меры золота на вес нектара. Букет его насыщен, и освежает он столь сильно, что всего за несколько мгновений мышцы наливаются энергией, а сознание проясняется даже после бессонной ночи.

Внимательно проследив за тем, как собеседник осушает свой бокал, я удовлетворенно вздохнул:

— А вот скажите, баронет, вы не боялись шантажировать меня, выставляя столь унижительную цену за молчание? Вы же должны понимать, сколько сил я потратил, чтобы подготовить свою землю к восстанию, и как сильно люблю свою дочь? Я ведь помню еще ее первую, младенческую улыбку, первое «агу», первые шаги... И вот так отдать ее за вас, недомужика, от которого банально смердит?

Надо видеть лицо советника. От настороженности и испуга до гнева и, наконец, настоящей ярости.

— Если я не вернусь сегодня из вашего дома, полный пакет документов, изобличающих вас, незамедлительно отправится в Республику. Ведь не думали же вы, что я отправлюсь в логово зверя без должной страховки? Правда, я предполагал, что вы начнете угрожать мне раньше. Сейчас же поздно, я не отступлюсь от брака с вашей дочерью, но на оскорбление отвечу достойно. Благо с момента заключения брака жена пребывает в полной власти мужа!

Кровь ударила мне в голову, но внешне я сохранил спокойствие. Начатую партию необходимо довести до конца, иначе какой смысл?

— Позвольте, баронет. А ваше доверенное лицо — это не тот тихий и неприметный юноша, что приехал торговать в Рогору не позднее чем через месяц после вашего прибытия? Да, ловкий малый, все почитали его необычно смелым для торговца из Республики — лех осмелился ездить торговать и в предгорные селения, и даже в крепости степной стражи, в том числе в Барс. Доглядчик, значит... Вы с ним практически не встречались, передавали всю информацию через ту вдову-купчиху, у которой время от времени покупали вино? И конечно, парень в очередной раз ночует у нее, ожидая вашего возвращения... Стража!

Дружинник вновь показался в дверном проеме.

— Предупредите мою жену и дочь, чтобы они возвращались в свои покои. Ни в коем случае их сюда не впускайте. Передайте Ларгу, пусть берет купца. Он поймет. И зовите эскулапов.

Все это время побледневший, словно накрахмаленное полотно, баронет безвольно молчал — видимо пораженный ужасом. Но, сделав над собой усилие, он разомкнул губы:

— Я следил за вами, вы следили за мной. Что же, это необходимо было предвидеть. Проклятье, красота вашей дочери заставила меня забыть об осторожности... Но послушайте, если вы меня убьете, это вызовет подозрения. Граф Бергарский не оставит мою гибель без внимания — тем бо-

лее что я умру в вашем дворце. Придут другие, не менее оборотистые, но более осторожные. Все тайное все равно станет явным! И, как я уже сказал, у восстания нет шансов!

— Это вы так считаете. А на мой взгляд, при правильном планировании кампании у Рогоры есть все шансы объединиться и восстановить независимость. Тем более у меня есть некоторые козыри — ваш паршивец вынюхал не все, далеко не все... Что же касается лазутчиков Бергарского — мы будем их ждать. Все чужаки отныне будут просто пропадать в Корге, — я обезоруживающе развел руками, — да и времени у Республики осталось немного. Все уже практически готово. Если войско польного гетмана⁹ и двинется сюда, они лишь ускорят процесс объединения. А коронную армию сюда сразу никто не отправит...

На лице моего собеседника отразился ужас. Он понял, что раз я разоткровенничался, то точно не выпущу его отсюда живым. И все-таки баронет хотя бы попробовал:

— Граф, пощадите. Я могу быть вам полезен. Я могу в начавшейся кампании прикинуться перебежчиком и оповещать вас о численности и передвижениях республиканцев. Я...

— Полноте, советник. Предавший один раз предаст и дважды. У меня нет никакой веры вам и нет ничего, что обеспечило бы вашу исключительную преданность. И потом, вы уже мертвы. Хотя бы костлявую встретите честно, как мужчина.

— Что было в бокале?

— Особый яд, что постепенно замедляет работу сердца. Яд редкий, в Республике неизвестен. Никто не сможет обнаружить следы его присутствия. Вы уже наверняка чувствуете слабость, а через пару минут не сможете сопротивляться сну. Во сне же сердце остановится — еще через пять минут. Между прочим, не самая жуткая смерть, которой я хотел бы вас предать за дерзость в отношении моей дочери. Я, пожалуй, побуду с вами в последние мгновения. Не очень приятная компания, но все же вы встретите свой конец не в полном одиночестве. Можете помолиться или

проститься с ближними, я дам чернила и перо. Но не пытайтесь никого предупредить, я все прочитаю, и, если найду хоть что-то подозрительное, ваши любимые ничего не получат.

— У меня никого нет... И детей нет...

Кажется, баронет сейчас расплатится.

— Полноте! Поздно задумываться о детях, когда наступил закат жизни. И потом, даже если вы не имеете законных наследников, сколько-то симпатичных кметок и служанок побывало в вашей постели. Наверняка кто-то понес.

— Будьте вы прок...

Договорить баронет не сумел — глаза закрылись. Подождав еще минуту, я аккуратно поставил напиток и бокалы на место, вылив на пол содержимое своего бокала. Признаться, это убийство не доставило мне никакого удовольствия, никакой отрады. Впрочем, я никогда не радовался смерти, разве что в рубке с торхами, да и это было скорее кровожадное торжество над сраженным врагом. Но бой — это иное, там или ты, или тебя. Здесь же преднамеренное, тайное убийство.

Подойдя к выходу из покоев, аккуратно прикрываю дверь. Советник Этир мог преподнести мне неприятный, фактически загробный «сюрприз», попробовав напоследок исполосовать себя чем-нибудь острым, да хотя бы осколками разбитого бокала. Тогда его смерть было бы не так просто выдать за естественную.

Но ничего подобного баронет не предпринял. А то я успел пожалеть в душе насчет собственных слов о достойной смерти — вдруг Этир слишком буквально бы их воспринял? За себя я нисколько не переживал: придворный старый хлыщ вряд ли сумел бы хоть что-то сделать бойцу, добрую треть жизни посвятившему схваткам с кочевниками.

— Впускайте только эскулапов. Баронету, кажется, стало плохо.

Воины старшей дружины, моя личная гвардия и телохранители семьи, — вне стен дворца одни из самых влияте-

льных и знатных людей лена. Это также и верные боевые соратники, не раз спасавшие мне жизнь в походах. Они умеют держать язык за зубами, равно как и эскулап Феодор, житель далекой северной державы, граничащей с Республикой. Как ни странно, но его народ имеет родственные связи с Рогорой¹⁰.

И все-таки советник сумел меня удивить. Проклятье, дознался один, узнает и другой. Нужно спешить, времени осталось слишком мало...

Часть первая

ПУТЬ В РОГОРУ. ДОРОГОЙ ЛЮБВИ

ГЛАВА 1

*Лето 136 г. от провозглашения Республики
Коронные земли, усадьба баронов Руга*

Аджей, молодой наследник

Звон учебных клинков заполнил все пространство фехтовальной площадки. Рот наполняется горечью — гортань пересохла уже после второй схватки, а в очередной раз оказавшись на земле, я умудрился хватануть песок.

— Держи корпус!

Несмотря на то что учитель фехтует одним лишь «цветком»¹¹, а я всю пользуясь зажатым в левой тренировочным кинжалом¹², ни один из моих клинков так и не достиг Ласара. От большинства уколов он успевает просто уйти, мгновенно перетекая из одной атакующей позиции в другую и тут же контратакуя; лишь изредка учитель парирует особо точные выпады. Дистанцию своего клинка он держит отменно, не позволяя мне приблизиться и пустить в ход кинжал. Словно глаза на затылке — отступает уверенно, а когда позади возникает препятствие, плавно перетекает в сторону. Ничего сверхъестественного — Ласар великолепно помнит рельеф площадки.

— Быстрее! Двигайся, не застывай!

Ах ты ж сволочь... Ну получай!

Укол шпагой — уходит влево, мгновенная контратака — стрелой полетевший в меня клинок сбиваю кинжалом, развернутым острием вниз, и тут же резкий разворот, как бы

продолжающий парирование, рубящим ударом отправляю шпагу в голову учителя.

Тренировочный шлем надежно защищает от ран, так что тяжелый удар — учебные клинки не уступают весом боевым — лишь хорошенько встряхнет наглеца.

«Цветок» режет воздух, инерция удара столь высока, что меня разворачивает следом. Впрочем, равновесия я не потерял... что уже не столь и важно — свинцовый «бутон» в наверху клинка Ласара болезненно ткнул меня в незащищенную гортань. Легко присевший на согнутых ногах учитель пропустил мой выпад над головой и мгновенно поразил открывшийся корпус.

— Оставь эффектные пируэты мастерам фехтования и напыщенным хлыщам, что по глупости своей уверовали в свое мастерство. Такой удар нужно готовить тщательней, связать меня игрой клинков, заставить попятиться и уже потом выбросить шпагу. Впрочем, чтобы поразить меня, нужно двигаться в два раза быстрее, глупыш. В два раза...

Проклятье, я уже десять лет «глупыш»! И все это время никак не могу стать достойным оппонентом наставнику!

— Еще схватка. И не забывай: корпус нужно держать ров...

— Ровно! Ибо ровный корпус есть залог точности движений и уходов. Зна...

Атакующий со скоростью броска гадюки клинок я уже не успеваю парировать. На этот раз «бутон» вполне мог выбить мне зубы или глаз — тут уж как повезет, — но в последний момент сработала натренированная Ласаром реакция: ухожу от удара, отклонив голову и прогнувшись в спине.

— Плохо! Где контратака? Я был открыт!

Брошенный сверху вниз кинжал летит в лицо Ласара. Учитель рефлекторно отбивает его в сторону, но молниеносный удар «цветка» достает не защищенное гардой запястье. Шпага вылетает из руки, осушенной ударом свинцового «бутона».

Лицо Ласара исказилось болью и гневом. Ох, что сейчас будет...

Но оно того стоило!

Устало подняв клинок, учитель неторопливо распрямляется, потирая левой рукой поврежденное запястье:

— Грязные приемчики? В бою один на один, может, и сойдет... Ну, раз схватка становится боевой... будем сражаться на равных!

При последних словах будто бы расслабленное тело Ласара в одно мгновение наливается звериной грацией. Но устремившийся к корпусу клинок режет лишь воздух — мгновенно отпрянув, я тут же контратакую уколom в живот. Ударив шпагой сверху вниз, учитель парирует выпад, чуть ли не выбив «цветок» из моей руки, но я уже практически дотянулся...

Несколько жарких мгновений площадка оглашается звоном металла. На этот раз Ласар не делает мне поблажек и атакует, смею заметить, с определенной злостью. И видимо, только поэтому я все еще стою на ногах и не оглушен ударом: атаки выведенного из себя наставника, как ни странно, легче парировать. Что ж, в раскачке оппонента есть свой сермяжный смысл...

Тело двигается само по себе, голова пуста. Страх перед разозлившимся Ласаром — может и покалечить, с него станется — заставляет меня двигаться быстрее, вернее, атаковать точнее.

Укол — уход... Укол — парирование — контратака — рывок в сторону — удар сверху наотмашь! В последний момент металл моего клинка со звоном встречает металл чужого клинка, не теряя инициативы, хватаю левой травмированное запястье и что есть силы сжимаю, воткнув большой палец в назревший кровоподтек.

Лицо наставника искажается болью, пальцы практически выпустили рукоять. Тупое лезвие моего «цветка» приблизилось к шее Ласара...

Резко отпрянув, учитель выгибается в сторону, одновременно прихватывая свободной рукой запястье моей правой — и тут же я падаю наземь, сбитый точной подсечкой.

Родной песочек нашей гладиаторской арены привычно принимает меня в свои объятия.

— А ведь он практически обезоружил тебя, Ласар.

— Господин барон, — учитель развернулся к моему отцу, спускающемуся по ступенькам лестницы, — Аджей сегодня действительно неплох. Похоже, я сумел-таки раздуть в нем жажду победы.

Ах вот оно как, жажда победы?! Хотя если вдуматься...

— Что ж, отлично. Мой сын начинает драться не как фехтовальщик, а как воин, это прогресс. Посмотрим, что он сумеет сегодня показать на саблях.

Проклятье! Отец берет в руки саблю — жди беды.

В Республике сабля пока не очень распространена как оружие дворянина. Тяжелая шпага — на войне, легкая рапира — в повседневной жизни. Вступив в поединок с равным, вооруженным прямым клинком, ты начинаешь плести смертельное кружево из уколов, парирований, уходов... Что шпага, что рапира — оружие преимущественно колющее, впрочем, тяжелая боевая шпага способна рубить верхней третью клинка.

Но рисунок боя на саблях совсем иной. Сабля — оружие в первую очередь всадника против пешца, ее форма с искривленным клинком и смещенным центром тяжести позволяет наносить эффективные, особенно сверху вниз, рубящие удары. Схватка на саблях — именно что рубка, и несведущему человеку может показаться, что этому оружию недоступно изящное фехтование. Что ж, сей человек не видел в действии моего отца.

Вставая с земли, я невольно залюбовался бароном Руга, сухим и поджарым мужчиной, что сохранил гибкость и недюжинную силу, возрастом перевалив уже на закат жизни. Отец, неизменно облаченный в черное, с легкостью начал танец клинка — сабля в его руках легко и стремительно похрает, рисуя вокруг бывалого воина настоящий стальной круг.

— Что же, глупыш, вот тебе и достойное наказание.

Ласар, бросив мне насмешливую — и мстительную — ухмылку, протягивает рукоять тупой тренировочной сабли. Только в отличие от прямого «цветка» рубящие удары учебной сабли вполне способны покалечить. А отец не слишком себя сдерживает даже здесь, на фехтовальной площадке. Однажды он сломал мне...

— Начали!

Родитель атакует, как всегда, стремительно, рубящим ударом, развернув клинок к себе. Целит он под кисть правой, сжимающей рукоять сабли. Наученный горьким опытом, я успеваю опустить ее и отпрыгнуть назад, увернувшись от обратного замаха, нацеленного в горло.

Шаг в сторону — и, бросив вес тела в удар, рублю наискосок, по диагонали. Мой клинок встречает блок отца, второй удар от себя — и вновь тренировочная сабля не достигает цели, встретив на полпути свою точную копию.

Какое-то время мы упражняемся молча, оглашая площадку звоном сшибающихся клинков и хриплым дыханием. Сверху — блок... По горизонтали — блок... Снизу вверх — блок... Пока я умудряюсь сдерживать атаку родителя и даже контратакую, хотя скорее это он просто разминается. Что же, попробуем удивить!

Ударив по горизонтали от себя, встречаю вовремя подставленный блок, крутанув кисть, наискось рублю по выставленной вперед правой ноге. И кончик елмани¹³ таки чиркнул по ноге отца!

Свирепо усмехнувшись, развиваю успех диагональным ударом сверху вниз... но в последнее мгновение родитель легко уходит в сторону, а его сабля коротко бьет сверху вниз по моей, направляя острие в песок. Легким движением кисти крутанув клинок, отец рубит шею сбоку, остановив тупое лезвие у самой кожи.

— Ты не мог бы так легко двигаться с подрубленной ногой.

— Хох! Некоторые воины в горячке боя не замечают даже смертельных ран, продолжая сражаться еще какое-то

время. Поверь мне, я бы с легкостью отпрянул, а вот ты слишком увлекся кратким успехом.

— Мало кто способен фехтовать на саблях так, как ты, отец. Среди...

— Среди твоих друзей — прожигателей жизни, тратящих все время на пиры, балы и охоты, о да... Ты не найдешь среди них себе равного противника. Но в кочевьях торхов встречаются такие рубаки, словно рожденные в обнимку с саблями.

Упоминание о кочевниках заставило меня невольно поджать губы и посуроветь лицом. Проклятые выродки, отнявшие у нас мать...

Отец что-то прочитал по моему лицу. Жестом приказав Ласару удалиться, он хлопнул меня по плечу, направив к маленькой скамеечке, неизменно находящейся в тени.

— Тебя опять мучили кошмары?

Кошмары... Кошмар. Он возвращался ко мне все детство, много раз являлся в юности. Один и тот же — и, к сожалению, это была не фантазия ребенка и не выверты сознания, а настоящие воспоминания. Только несколько кусков, не дающих полной картины, но намертво врезавшихся в память.

«Беги!!!» — Заполошный, отчаянный женский крик... Это единственное воспоминание о матери, да и кто знает — она ли кричала и мне ли кричали? И все-таки как сын, не помнящий и никогда не знавший мать, я где-то в глубине своей души надеюсь, что это все же был именно ее крик — единственное сохранившееся о маме воспоминание.

Дикое ржание лошадей, ревущих в ночи словно демоны... Беспросветный мрак, в котором метались кричащие и отчаянно ругающиеся тени, слышался звон клинков и жуткие крики умирающих... Вспышка пламени, охватившего чей-то дом, — она вырвала меня из мрака, но все, что я увидел, это несущегося во весь опор ко мне торха с оскаленным лицом и занесенной для удара саблей...

А потом бесконечный бег, с надрывом сердца, бег, который нельзя было остановить — сзади я чувствовал стреми-

тельно приближающуюся смерть... Бег, секундная вспышка паники, вызванная тем, что мои ноги оторвались от земли... Короткое падение... А дальше...

А дальше я, как всегда, просыпаюсь. Упав ночью восемнадцать лет назад в какую-то расщелину, я потерял сознание и тем самым сохранил себе жизнь. Уже утром летучий отряд рогорцев с сыном барона Корга и горстка лехов моего отца нашли пепелище очередной разоренной деревни... И меня, единственного уцелевшего ребенка, по счастливой случайности оказавшегося похищенным ранее сыном барона Руга.

В то время отец представлял в Рогоре интересы Республики, в качестве советника в баронстве Корг. Именно в Рогоре он встретил любимую жену — дочь одного из старейшин предгорных селений, формально зависимых от Корга, — и именно в Рогоре он ее потерял. Маму похитили вместе с сыном во время путешествия к ее родителям, торхи сумели перебить всю охрану. Небольшой отряд рогорцев и лехов преследовал хищников, но был вынужден оставить свой поиск в степи. Иногда торхи брали выкуп за пленников и честно их отпускали, но в тот раз степь промолчала...

— Кошмары мучают меня с самого детства, отец. А ты целых десять лет провел на границе Рогоры и степи, препоручив мое воспитание наставникам. В итоге я не знал ни матери, ни отца... Я не обвиняю тебя, я даже представить боюсь, как сильно ты ее любишь и какова боль твоей утраты. Никто не может себе этого представить... После ты мог выбрать жену из сотни девушек, но не сделал этого. Я горжусь тобой, честно, очень горжусь. И очень люблю тебя, правда. Но давай не будем об этом?

Отец лишь крепко сжал мое плечо, чуть привлекая к себе.

— Ты все же решил с ней объясниться.

— Да, сегодня. Я знаю, ты против...

— Я не против, сынок. Просто я боюсь, что у вас ничего не получится.

— Отец...

— Пойми ты, она из богатой и влиятельной семьи, к тому же красавица. Даже если Хелена поддастся чувствам, согласие на брак должны дать ее родители — те самые родители, что не считают нас ровней.

— Но почему?! Мы тоже не бедняки!

Родитель лишь поморщился в ответ. То ли от моей недержанности, то ли при упоминании о собственном достатке.

— Нет, не бедняки. Но не сравнимся с семьей Хелены! С их возможностями ее ждет судьба придворной дамы, а тебя... Тебя ожидает стезя или военного, или советника.

— Я не вернусь в Рогору!

— Ты воспротивишься воле короля?

Проклятье!.. Слишком много плохого связано с моей родиной, чтобы я желал отправиться в Рогору служить советником, но тут отец прав — воле короля не воспротивишься. Советники набираются из таких же родов, как и наш, — не очень влиятельных, не очень богатых, зато честных и преданных короне.

Вот только за честную службу редко воздают по достоинству: при дворе правят бал лизоблюды, интриганы, дорогие (и не очень) шлюхи дворянских кровей, сиречь фаворитки... Но и проживать жизнь честного служаки, которого ни во что не ставят, как-то не хочется. Уж лучше военная стезя: хотя сейчас и нет войн, но в недалеком будущем все возможно, а при удачном раскладе можно достичь определенных высот!

— Нет, противиться воле короля я не стану. Но и от Хелены не откажусь. Я люблю ее.

Чуть усмехнувшись, отец крепко сжал мне руку:

— Раз любишь, действуй. Но голову не теряй.

Несмотря на некоторую бедность рода, дворянское наше гнездо располагается всего в паре часов верховой езды от столицы. А в самой Варшане у нас имеется неплохой, парадный, так сказать, дом — с парой слуг, конюшней и моими самыми дорогими нарядами, которые только и можно надеть на прием к князю Разивиллу и последующий бал.

Вертясь у большого зеркала, словно юная пани (вот уж сравнение), я придирчиво расправляю новый камзол, после чего старательно нахлобучиваю шляпу с перьями — последнее веяние моды из самой Ванзеи¹⁴. Вроде неплохо. Очередной раз приложившись к бутылке сладкого молодого вина — некрепкое, чуть-чуть для храбрости — и закусив его соленым, терпким сыром, вновь верчусь перед зеркалом, словно в пируэте. Ну, кажется, сойдет.

— Халеб! Поднимай возницу, опаздывать к Разивиллам ни в коем случае нельзя!

Можно было бы верхом, но в столице нынче в моде кареты — наверное, потому, что самые знатные представители элиты разожрались столь страшно, что верховая езда стала для них непосильным испытанием. Бедные кони облегченно выдохнули...

Сбежав по лестнице вниз и выскочив в пустой двор, я словно ныряю в теплый, обволакивающий воздух вечерней Варшаны, пропитанный запахом многочисленных цветов, ароматами костров и томящегося на огне мяса... Район для... скажем так, среднего класса с претензией на зажиточность наполнен всевозможными тавернами, чистыми и достаточно респектабельными для шляхты¹⁵ средней руки (вроде меня), не самых бедных купцов и верхушки цеховых ремесленников. Поэтому запахи окороков, неторопливо коптящихся «по-горячему», румяной свинины, истекающей жиром на углях, скворчащих на сковородках колбасок буквально сбивают с ног. Находиться на пустой желудок здесь решительно невозможно.

Женская же половина населения успевает за последней модой, опять-таки ванзейской, в части разведения садов и цветников. Кто побогаче разбивает настоящие оранжереи с ароматными и сочными «восточными яблоками», покрытыми толстой, золотисто-оранжевой кожурой. По слухам, они помогают от многих болезней, да к тому же, смею судить, весьма приятны на вкус.

— Халеб!!!

Возничий мгновенно показался в воротах:

— Господин, все готово! Экипаж дожидается вас на проспекте!

Забравшись в открытый легкий тарантас, поудобнее усаживаюсь на заднем сиденье.

— Вперед!

— Через Королевский парк по Господарскому мосту?

— Успеем? Мне необходимо быть у Разивиллов через полтора часа!

— Будем через час!

— Ну, тогда по Господарскому, да с ветерком!

Тарантас мягко тронулся — качественная фряжская выделка — и не спеша покатил по узеньким улочкам Белого квартала, названного так по цвету стен, подчеркивающему довольно высокое положение его жителей. «С ветерком» будет чуть позже, на широких проспектах у Королевского парка.

Любуясь открытыми верандами таверн, во множестве украшенных домашними цветами, я невольно восторгаюсь Варшаной, жизнь в которой бьет ключом круглые сутки.

Раннее утро — время ремесленников, спешащих со всех концов города к рабочим местам. Шустрых, чумазных, еще свежих после сна и оттого жизнерадостных — по крайней мере складывается именно такое впечатление, когда слышишь их остроумную и насмешливую перебранку.

День посвящен делам купеческим и обращениям дворян, направленным или городскому магистрату, или Совету господарей¹⁶, или даже самому королю. Но вечер — это время преобразования деловой и где-то даже напыщенной, гордой Варшаны в веселую хохотушку и гуляку — такое приходит сравнение, коль бросишь взгляд по сторонам. Везде слышатся беззаботный смех, уже хмельные выкрики и песни, глаз радуют молодые варшанские панночки, чудо какие симпатичные. Иной раз бросишь взгляд даже на неблагородную молодую девушку в мешковатой поношенной одежде — а сердце вдруг сбивается с привычного ритма, когда видишь ласковую, приветливую улыбку, свежую и нежную, словно лепестки сирени, кожу, ниспадающие на

лицо непослушные локоны... И с самого вечера горожане веселятся, смеются, поют, танцуют... уединяются в укромных уголках узких переулочков, где не пройдет случайный прохожий и куда не додумается идти искать счастья ночной тать.

Чем становится темнее, тем больше огней зажигается в городе, тем чаще слышны громкий смех, и разной мелодичности песни, и музыка на любой вкус. Уличные трубадуры и актеры дают представления на импровизированных сценах, восточные мастера укрощают огонь, превращая сие действие в изумительной красоты зрелище... Из жарких южных земель в наши патриархальные края в свое время переселились оживленные италийские маскарады¹⁷ — и теперь каждую ночь столица оглашается разнузданным весельем тех, чье лицо скрыто маской, людей, которых никто не узнает и не уличит в разгуле и разврате.

Я люблю это время Варшаны, сливающееся в единый, тянущийся до утра праздник, — даже несмотря на грабителей, нередко промышляющих на маскарадах, на тела загулявших парочек, порой всплывающих ниже по течению Влатвы... Но общую атмосферу праздника портит сермяжная правда, изреченная когда-то отцом:

— Ради того чтобы эти столичные бездельники прожили жизнь в бесконечном разврате и пьянстве, бедные республиканские кметы без всякого продыху горбатятся на уже прекратившей рожать земле!

И он, как всегда, прав. И фрязи, и ванзейцы, и руги, и прочие наши соседи, далекие и не очень, отмечают, что жизнь крестьян в Республике больше похожа на рабство — до того бесправны, забиты и голодны наши кметы...

Влажная свежесть, потянувшая от Королевского канала — самый широкий рукотворный канал в срединных землях¹⁸, не менее трехсот шагов! — отвлекает от грустных мыслей. Не хватало еще раскиснуть перед приемом. Наши с отцом кметы живут в достатке, а большего не изменить! Да и нечего признавать за родителем непогрешимость суждений, все ошибаются. Уж насчет Хелены он точно не прав!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Выдержка из работы Некара, придворного летописца барона Корга (глава 8):

«Тогда же король Януш Четвертый утвердил эдикты, ограничивающие численность дружин владельцев Рогоры, ввел ограничение на огнестрельное оружие, ввел новые налоги, в дальнейшем разорившие ремесленников и купцов во всех без исключения ленах. Для соблюдения же эдиктов король Януш утвердил должность советника при владетелях, вменив тому в обязанность следить за соблюдением эдиктов и полнотой сбора налогов».

²Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

«Рогора. Предгорный край по южную сторону Каменного предела. Населен народом, родственным частично лехам, частично горским племенам; кровь жителей страны изрядно разбавлена кочевниками, из года в год разоряющими Рогору.

До Великого похода торхов была независимым государством со стольным градом Кия. После гибели великого князя и ополчения разоренная и разграбленная Рогора значительно сократилась в размерах, уступив степнякам многие территории, удобные для кочевья. Сегодня земля ее оскудела, население живет в нищете и постоянном страхе набегов торхов».

³Выдержка из работы Некара, придворного летописца барона Корга (глава 3):

«Тогда же лехи заперли проход в Каменный предел замком Львиные Врата, навсегда закрыв торхам дорогу через горы. Уцелевшие владетели Рогоры принесли королю лехов вассальную клятву в обмен на военную помощь против кочевников.

---

* Каменный предел — горная система, лежащая между Рогорой и Республикой. Преобладают в ней известняковые породы.

Стоит признать, что совершили они великую глупость: давно забыв о родстве народов, легионы более отсиживались за каменными стенами, чем помогали ратниками и оружием. Но, имея неприступную крепость на земле Рогоры, они постепенно подчинили себе все лены.

Когда же ослабели торхи в междоусобной борьбе настолько, что не могли более собирать войска для крупного набега, в Рогоре уцелело двенадцать ленов и двенадцать владычных домов. Четыре более крупных, а потому графства: Лагран, Корхорд, Регвар, Скард. Восемь более мелких, а потому баронств: Корг, Отар, Керия, Лудвук, Рогар, Скур, Леорс, Рутан.

⁴С некоторых пор дворянские титулы в Республике продаются королевской семьей, что приносит ей немалые деньги. Однако новоиспеченные дворяне имеют право носить титул лишь баронета. Кроме того, сей титул в случае признания родителями с голубой кровью могут наследовать незаконные дети дворян от простолюдинов. Последние имеют право заслужить более высокое достоинство.

⁵Из доклада купца Рульфа, тайного шпиона баронета Этира: «Всего же в замках степной стражи насчитывается более тысячи исправных огнестрелов, в основе своей фитильных, хотя попадаются и кремневые. Также всадники стражи имеют на своем вооружении ручные самопалы; из расчета одной пары на всадника получается порядка двух тысяч пар, или четырех тысяч единиц оружия.

Таким образом, число годных к бою огнестрелов на вооружении степной стражи превосходит установленное эдиктами короля Януша Четвертого в десять раз, а число ручных самопалов — в двадцать».

⁶Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

«Торхи. В недалеком прошлом — великие торхи, свирепый и жестокий народ, чьи воины признавались лучшими наездниками во всей Окуйене. Однако с гибелью последних членов царского рода Чигиза сей кочевой народ утратил былое влияние, ратную выучку и славу. Немногие города их погибли в пламени междоусобных войн, а вместе с ними исчезли искусные оружейники и прочие мастера; так торхи утратили тяжелую латную кавалерию и имеющуюся у них артиллерию — катапульты, требушеты.

Также итогом междоусобиц в среде кочевников стало полное безвластие и бесконтрольность вождей мелких родов торхов. Ныне кочевники уходят в набег не более чем двумя-тремя родственными тейпами, чья численность не превосходит тысячи всадников. И лишь раз в десяток лет степняки собирают курултай, на котором принимают решение о цели большого похода, а также выбирают походного вождя».

⁷*Кмет* — крестьянин по-лехски. В последние годы в Республике это слово стало синонимом понятия «бедняк».

⁸Республика сложилась из добровольного слияния Лехского королевства и Великого княжества ливов. Последнее стало возможным благодаря тому, что государствами правили родные братья. Великий князь не оставил потомства, и, таким образом, наследник короля стал также и наследником княжества, объединив под своей властью оба государства. Именно дата провозглашения Республики принята как точка отсчета летосчисления лехов.

⁹*Польный гетман* — одна из высших сановных должностей Республики. Фактически полноправный владетель одного из четырех крупнейших гетманств государства — северного, южного, западного и восточного. Центральные земли Республики исконно являются личными владениями короля.

В военное время польный гетман собирает под свое знамя дворянские хоругви, кроме того, в его распоряжении имеется крупный отряд элитной королевской кавалерии — крылатых гусар и некоторое количество артиллерии.

¹⁰Речь идет о земле ругов — наиболее сильной державе из созданных когда-то родственными народами. Граничит на востоке с Республикой и часто вступает с ней в военные конфликты; также руги часто сражаются с торхами. Степная стража Рогоры создана по примеру порубежников Ругии.

¹¹Опытные фехтовальщики нередко называют «цветком» учебную шпагу. Такое название тренировочный клинок получил за свинцовый шарик-«бутон», закрепленный на острие. Несмотря на пренебрежительное название, «цветком» вполне можно покалечить: порвать щеки, выбить глаз или зубы.

¹²Искусство фехтования начало развиваться с момента появления огнестрельного оружия — самые мощные и тяжелые доспехи перестали защищать от маленьких свинцовых шариков, выпущен-

ных из длинноствольных огнестрелов. В это же время тяжелый меч, призванный разрубить или прорубить доспех, ушел в прошлое, уступив более легким и подвижным клинкам: шпаге и рапире.

Шпага — более тяжелый и массивный клинок, потому искусство защиты с ней сводится к уклонам, перетеканию из одной атакующей позиции в другую и стремительным контратакам.

Рапира — более легкий и тонкий клинок, предназначенный не для битвы, а для ношения с парадной и повседневной одеждой дворян, этакий «гражданский» меч. Ею значительно легче парировать уколы противника, поэтому рисунок схватки на шпагах и рапирах разительно отличается.

Но, отдавая дань воинскому искусству прошлого, современные фехтовальщики сохранили главный его принцип: атакуя правой, защищаешься левой. При мече роль защиты играл щит, при легких клинках — кинжал-«дага» или накрученный на левую руку плащ. В обоих вариантах разработана своя техника защиты. Соответственно боец, вступивший в схватку с парой клинков против одного, имеет значительное преимущество.

¹³*Елмань* — верхняя, более широкая четверть клинка сабли. Елмань увеличивает ее рубящие возможности, кроме того, обычно елмань затачивают с обеих сторон, что позволяет опытному рубака наносить урон обратной стороной клинка.

¹⁴Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

«Ванзея — самое западное государство срединных земель, примыкающее к Великому морю. Благодаря теплomu климату в Ванзее хорошо развито земледелие, что делает страну очень богатой.

Ванзейские дворяне весьма задиристы, а власть короля не слишком прочна. В то же время ванзейцы по праву считаются законодателями мод, а ванзейское вино считается одним из самых лучших, а значит, и дорогих.

Республика и Ванзея не имеют естественных границ, зато имеют общего, граничащего с обоими государствами соперника — княжества и герцогства фрязей, Лангазский торговый союз.

¹⁵*Шляхта* — дворянское сословие в Республике.

¹⁶*Совет господарей* — один из наиболее значимых органов администрации Республики. Выше Совета господарей лишь сейм и сам король.

¹⁷*Италайя* — самая южная из срединных земель, со всех сторон омываемая внутренним морем. Известна винами, одной из

лучших школ парных клинков и дико разнузданными нравами как мужчин, так и женщин.

¹⁸Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

«Срединные земли — область известного нам мира, Окуйены, заселенная цивилизованными и просвещенными народами. На юге срединные земли граничат с внутренним морем и бескрайней степью (Великий ковыль), на востоке — с землями ругов, на юго-востоке — с Заурским султанатом, на западе — с Великим морем, на севере — с холодным морем, за которыми лежат также известные нам острова свегов и нурман — прославленных своей свирепостью мореходов и разбойников.

Всего же в срединных землях насчитывается пять государств: Гиштания на юго-западе и Ванзея на западе, Италайа на юге, фeоды (княжества и герцогства) фрязей, подконтрольных союзу Лангазы, — в центре и на севере срединных земель, и Республика на севере и востоке.

Правда, руги также относят себя к народам срединных земель... Но кто же будет считать этих варваров за людей цивилизованных и просвещенных?»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ПУТЬ В РОГОРУ. ДОРОГОЙ ЛЮБВИ	19
Часть вторая. ВОССТАНИЕ РОГОРЫ. ДОРОГОЙ ВОЙНЫ . . .	134
<i>Эпилог</i>	264
Примечания	268